

Размышления и дискуссии

А.М. Гиндилис

Поиски внеземных цивилизаций — нужны ли они?

Как неслыханно красиво мыслить о кооперации с дальними мирами. Эта кооперация, начатая сознательно, вовлечет в орбиту сношения новые миры, и этот небесный кооператив будет расширять бесконечно свои возможности. <...> Пробуждаясь, помните о дальних мирах, отходя ко сну, помните о дальних мирах.

Община, § 29

Следующая ступень эволюции — сношение с Дальними Мирами. И не все ли равно, с какой стороны и как подходят к ним люди, лишь бы подходили, лишь бы приближались, лишь бы приближали сознание к ним, лишь бы мыслями о них наполняли его.

Грани Агни Йоги, III, 386

Идея стара как мир: от мифологии до наших дней

Д авайте представим себе, что мы находимся далеко от города, в поле, пустыне, или в горах. Ясная безлунная ночь. Тысячи звезд, ярких и слабых, сияют в ночи на небесном своде. Не замечали ли вы, что они вызывают у вас какие-то неясные предчувствия и надежды? В чем притягательная сила, в чем очарование этих бесчисленных крошечных огней? Может быть, они отмечают очаги Разума во Вселенной? Не связаны ли они с самой тайной нашего существования? Кто мы? Зачем мы, здесь, на Земле,

откуда пришли и куда идем? В чем смысл и какова цель нашего существования? Странные вопросы... Вечные вопросы, над которыми тысячелетиями бьется пытливая человеческая мысль.

В те далекие времена, когда господствовало мифологическое сознание, Небеса были населены Богами и Героями. Боги спускались на Землю и вступали в общение с людьми, а Герои приобщались к Богам и поселялись среди них. Потом эта связь прервалась...

Когда Коперник доказал, что Земля — не центр Мира, а лишь одна из планет в Солнечной системе, когда было понято, что и Солнце — лишь одна из мириад звезд, наблюдаемых на небесном своде, возникла убежденность в обитаемости других планет. Тогда же появились первые фантастические проекты достижения других планет — с помощью птиц, воздушных шаров и пушечных ядер! Эти наивные прожекты, способные вызвать лишь улыбку у современного человека, происходили от избытка энтузиазма при недостатке научных знаний.

Когда были открыты радиоволны и радиосвязь стала достоянием человеческой цивилизации, естественно появилась мысль об использовании радиоволн для связи с обитателями иных миров. К настоящему времени в различных странах проведены десятки экспериментов по поиску радиосигналов. Потом возникла идея использовать лазерные сигналы. Радиоволны и свет относятся к электромагнитному излучению. Значит, речь идет об использовании электромагнитных сигналов. Действительно, это единственный тип сигналов, который мы хорошо знаем и которым умеем пользоваться. Но, быть может, другие, более развитые цивилизации освоили какие-то иные типы сигналов, которыми мы пока не владеем? Например, гравитационные волны или нейтрино. Некоторые ученые предполагают, что высокоразвитые внеземные цивилизации могут записывать информацию в генетическую структуру микроорганизмов с помощью генной инженерии. Как реализовать такой канал на практике? Очевидно, надо послать на подходящую планету контейнер с «закодированными» микроорганизмами. Если они приживутся на планете, то, размножаясь, будут все время воспроизводить Послание, пока обитающие на планете разумные существа не догадаются произвести специальные исследования микроорганизмов, пытаясь извлечь эту информацию.

Могут быть и иные, неизвестные нам каналы связи, основанные на пока еще не познанных нами законах природы, на еще не открытых формах материи. Возможно, внеземные цивилизации уже успешно используют их для своих целей. А мы пока не имеем о них никакого понятия. Остается включить воображение.

Давайте пофантазируем

Представим себе ментальный канал связи, в котором передача информации осуществляется непосредственно в форме мысли. По аналогии с электромагнитным каналом можно предположить, что носителем сигнала здесь являются ментальные волны, образующие тонкую ментальную материю (ментальное поле). Скорость распространения ментальных волн неизвестна. Мы знаем, что ни одно физическое взаимодействие не может распространяться быстрее скорости света. Но ментальные волны не относятся к физическим взаимодействиям. Поэтому скорость их распространения может превышать скорость света. Недаром древнее изречение гласит, что самой быстрой является мысль.

Особенность ментального канала состоит в том, что приемником информации выступает не какое-то устройство (прибор), а сам человек, или другое разумное существо — их сознание. Причем мысль действует непосредственно, без помощи слов. Это большое преимущество, но есть в ментальном канале и свои трудности. Первая трудность состоит в том, что человек является не только приемником, но и генератором мысли. Человек непрерывно мыслит. К сожалению, этот процесс является совершенно неуправляемым: мысли возникают произвольно, помимо воли и желания человека. Эти хаотические мысли, подобно собственным шумам радиоприемника, затрудняют восприятие, прием информации. Поэтому для успешной работы ментального ка-

© William Herschel Telescope, Instituto de Astrofísica de Canarias. Foto by Nik Szymanek and Ian King

нала необходима дисциплина мышления. Вторая трудность состоит в том, что мешают не только собственные, но и чужие мысли. Ведь любое мыслящее существо во всех слоях земного пространства является генератором ментальных волн. Следовательно, возникает задача избавления от земных помех. Вероятно, так же как и при приеме радиоволн, этого можно добиться путем настройки по частоте — путем повышения частоты вибраций. Может быть, творческое вдохновение, испытываемое поэтом, композитором или художником, когда им является Муза, дает какое-то отдаленное представление об этом процессе. Отсюда ясно, что развитие ментальной связи надо искать на путях Красоты, повышения культуры, совершенствования каждого человека и всего общества. Недаром Достоевский говорил, что мир спасет Красота.

Можно возразить, что это только фантазия. Да, пока это фантазия, но не совсем беспочвенная. В последние годы группа российских физиков под руководством А.Е. Акимова и Г.И. Шипова, исследуя свойства физического вакуума, обнаружила новый тип излучения, который они назвали торсионным излучением. Оно обладает многими удивительными свойствами: не ослабляется с расстоянием (как все другие известные нам виды излучения), свободно проходит через любую среду, не испытывая никакого поглощения, и скорость распространения торсионных волн намного превышает скорость света. Торсионные поля связаны с человеческой психикой. Возможно, и мысль имеет торсионную природу. Пока большинство ученых не признает реальность торсионных полей. Но в истории науки подобные ситуации случались не однажды. Если окажется, что торсионные поля действительно существуют, то для контакта с космическими цивилизациями откроется новый чрезвычайно перспективный канал.

Надо ли искать радиосигналы?

Если мы допускаем, что могут существовать какие-то неизвестные нам каналы, которые используются внеземными цивилизациями, то неизбежно возникает вопрос: а следует ли тогда заниматься поисками радиосигналов или сигналов в других диапазонах электромагнитных волн, не лучше ли подождать, пока будут открыты новые каналы? Думается, что такая позиция бесперспективна. Прежде всего, нельзя исключить, что в Беспредельном Космосе могут быть цивилизации

нашего уровня, для которых радиосвязь является подходящим средством. В Солнечной системе таких цивилизаций нет, но они могут быть в других планетных системах.

Далее, предположим, в ходе развития науки нам стали известны новые каналы, основанные на вновь открытых свойствах материи, и мы хотим использовать их для поиска внеземных цивилизаций. Но скептик возразит, что могут существовать и другие неизвестные нам пока каналы и, возможно, именно они используются внеземными цивилизациями. Эта «сказка про белого бычка» никогда не прекратится. Поэтому, думается, мы должны делать то, что умеем, и опираться на то, что знаем. А когда наши знания расширятся — мы используем другие возможности.

Сошлемся на авторитет академика Андрея Дмитриевича Сахарова. Обсуждая проблему поиска внеземных цивилизаций, он писал: «Нельзя исключить, что мы еще слишком мало знаем и умеем. Нельзя исключить, что есть вопиющие пробелы в наших основных представлениях о пространстве, об его топологической структуре и что внеземные цивилизации ведут свои передачи с учетом этого обстоятельства, а мы “смотрим не в ту сторону”¹. Нельзя также исключить вопиющих пробелов в отношении типов существующих в природе излучений. <...> Однако все эти сомнения не должны расхолаживать нас на пути попыток приема сигналов с постепенным увеличением чувствительности (и стоимости) приемной аппаратуры и расширением методологии поиска. Только так, рано или поздно, можно рассчитывать на успех». Иными словами — под лежачий камень вода не течет.

Астроинженерия и экология

Поиски сигналов любой природы не единственный путь обнаружения внеземных цивилизаций. Еще одно направление связано с поисками следов их астроинженерной деятельности. Речь идет о том, что, осваивая окружающее космическое пространство, высокоразвитые внеземные цивилизации будут строить гигантские сооружения, которые можно обнаружить с других звезд. Широко известен проект американского физика-теоретика Ф. Дайсона — создания искусственной биосферы вокруг звезды радиусом, равным радиусу земной орбиты. Существуют и другие проекты астроинженерной деятельности.

Насколько они реальны? Нет сомнений в том, что высокоразвитая внеземная цивилизация мо-

¹ Из письма А.Д. Сахарова автору статьи. См.: Андрей Дмитриевич Сахаров и поиски внеземных цивилизаций // Земля и Вселенная. 1990. № 6. С. 63—67.

жет построить сферу Дайсона. Но будет ли она это делать? Ведь сооружение сферы Дайсона чревато негативными экологическими последствиями для всей планетной системы. В то время, когда были выдвинуты первые астроинженерные проекты, экологическое сознание человечества было еще недостаточно развито. За эти годы человечество накопило достаточный негативный опыт, связанный с пренебрежением экологическими проблемами на Земле, с вмешательством в среду обитания, с попытками перестроить ее на свой лад. Именно пренебрежение экологическими проблемами (наряду с отступающей, кажется, угрозой ядерной войны) поставило жизнь на Земле на грань катастрофы. Не следует допускать ту же ошибку применительно к космической среде обитания.

Надо также иметь в виду, что все планы «освоения космического пространства» исходят из представления, что в каждой планетной системе имеется лишь одна обитаемая планета, жители которой вольны распоряжаться ресурсами всей планетной системы, перестраивать ее по своему усмотрению. Но такое представление может оказаться ошибочным. Нельзя исключить, что определенные формы жизни могут существовать и на Марсе, на Юпитере, и даже на Уране. Такие возможности обсуждаются в научной литературе. В самое последнее время были получены убедительные данные о наличии внеземных микроорганизмов в метеоритах, что указывает на существование жизни в Солнечной системе.

Сооружение сферы Дайсона вокруг Солнца экранировало бы эти планеты от Солнца и привело бы к гибели на них жизни. Этого допустить нельзя. Вот что пишет по этому поводу Николай Уранов: «...Человечество ограничило свое восприятие Космоса. Если люди, например, говорят о жизни на дальних мирах, то они имеют в виду существование там, именно, человеческой жизни... Между тем каждое космическое тело имеет свои формы жизни, и разнообразие этих форм беспредельно.² <...> Идущий путем Беспредельности не мечтает размножить человечество до такой степени, когда, пожрав все ресурсы Земли, оно вынуждено будет искать их на дальних мирах. Все дальние миры есть дома, где обитают свои человечества. Грабить эти дома ради своего бессмысленного, беспредельного размножения есть перенесение захватнических, грабительских тенденций с планеты в Космическое Пространство. Эта тенденция антикосмична...»³

И если человечество, добавим мы с вами, начинает уже преодолевать подобные заблуждения,

то высокоразвитые цивилизации должны были давно от них избавиться. Можно думать, что высокоразвитые космические цивилизации организуют свою творческую деятельность таким образом и в таких формах, чтобы не вступать в противоречие с установившимися космическими процессами, не нарушать гармонию Вселенной.

Обруч манкуртов

Вновь вернемся к вопросу, зачем все это надо. Зачем нужны все эти усилия по поиску наших Братьев по разуму?

В романе Чингиза Айтматова «Буранный полустанок» описывается племя манкуртов. Этим людям надевают особый обруч на голову, чтобы они забыли о своем происхождении. К сожалению, большинство человечества в настоящий момент напоминает таких манкуртов. Мы забыли, откуда пришли, куда идем, забыли о своей тесной связи с Космосом, частицей которого являемся. Забыли, что Земля — лишь «промежуточная станция» на пути эволюции человечества в Беспредельном Космосе. У Айтматова обруч манкуртов переключается с другим обручем — ракетным, созданным двумя супердержавами вокруг Земли, чтобы отгородить ее от Вселенной, от наших Братьев по разуму. Беда в том, что такой обруч не выдумка писателя. Он реально существует. Только состоит он не из железа, это «обруч» более тонкого свойства. Это мысленный обруч человеческой обособленности. Это система взглядов, ценностей, идеологий, эгоистических мыслей и устремлений, которые отгородили нас от Вселенной.

Если в какой-то орган человеческого организма перестает поступать кровь — он заболевает и может совсем умереть. Космический организм един, и если на какой-то планете вдруг прекращается обмен со всем организмом — планета заболевает. Наша Земля больна, опасно больна. Все кризисы — социальные, экологические, природные — являются следствием того, что утрачены нормальные связи с Космосом, в том числе с нашими Старшими Братьями. Эти связи необходимо восстановить. Сделать это может только само человечество. Мост к общению строится с обеих сторон. Следовательно, человечество должно проявить готовность к контакту.

Но тогда вновь возникает уже знакомый вопрос — то ли мы делаем, пытаясь поймать радиосигналы от далеких звезд? Уже говорилось, что высокоразвитые внеземные цивилизации могут использовать каналы связи, о которых мы не имеем никакого понятия. Может быть, ОНИ на-

² Уранов Н. Размышляя над Беспредельностью. Вып. 2. М., 2000. С. 309—310.

³ Уранов Н. Размышляя над Беспредельностью. Вып. 3. М., 2001. С. 52.

ходятся совсем рядом, в других пространственных измерениях, а мы пытаемся искать у далеких звезд. Такая точка зрения правомерна. Но означает ли это, что мы должны прекратить поиски радиосигналов? Думается, что не означает. Представьте себе, что мы хотим достичь прекрасной горной Вершины. Есть путь прямой, более короткий, но и более трудный. Те, кто знает его и способны выдержать, идут этим путем. Другие продвигаются более длинным путем, на какой-то момент они могут сбиться с направления, но потом вновь выходят на свою тропу. Хуже всего тем, кто стоит на месте — они никогда не достигнут вершины. Если ничего не делать, мы никогда не достигнем цели.

Наши попытки поймать радиосигналы (или найти сферы Дайсона и т.д.), независимо от того, приведут ли они к успеху, важны и полезны уже потому, что поворачивают нас лицом к Вселенной, разрывают «обруч» земной обособленности, стимулируют мысли в направлении к поиску.

Следует также иметь в виду, что, пытаясь установить контакт с внеземными цивилизациями, мы получаем прекрасную возможность посмотреть на себя со стороны, и если не решить, то, по крайней мере, лучше осознать кардинальные задачи, стоящие перед нашей земной цивилизацией.

Не опасно ли это?

Если где-то существует цивилизация типа земной, то связаться с ней чрезвычайно сложно. Для нас технически возможно установить контакт с высокоразвитой внеземной цивилизацией, которая намного обогнала нас в своем развитии. Тогда возникает новый вопрос — а не опасно ли это? Не опасно ли пытаться войти в контакт с другими, более могущественными цивилизациями? Фантастические фильмы о звездных войнах, заполнившие экраны телевизоров, вызывают беспокойство людей. Даже ученые, в том числе занимающиеся проблемой SETI (поиска внеземных цивилизаций), проявляют осторожность и предлагают ограничиться прослушиванием Космоса, избегая передачи сигналов с Земли. На мой взгляд, опасения эти совершенно неосновательны, прежде всего, с научно-технической точки зрения. Ведь если где-то существуют могущественные цивилизации, которые могут преодолеть межзвездные расстояния, то они, при их уровне развития, давно уже обнаружили нас по излучению наших телевизионных станций и межпланетных радаров, независимо от нашей SETI-активности. Более важным представляется не технический, а этический аспект этой проблемы.

Исторический опыт учит нас, что взаимодействие земных цивилизаций до сих пор происходило по сценарию, когда более сильная цивилизация стремилась подчинить себе более слабую. Можно ли распространить этот сценарий на космические цивилизации? В стремлении одержать верх над слабыми и подчинить их сильным человечество подошло к опасному пределу, поставив себя на грань самоуничтожения. Перед лицом этой опасности люди начинают осознавать, что мы движемся куда-то не туда, надо изменить направление. Надо перейти от вражды к сотрудничеству и все возникающие проблемы решать мирным путем. В человечестве начинает созревать новое сознание — сознание сотрудничества. Если оно победит, человечество выживет, если нет — человечество погибнет.

Теперь вернемся к другим цивилизациям. Совсем необязательно, что они развиваются по такому же сценарию, как на Земле. Может быть, там сразу установились отношения братства и сотрудничества вместо вражды и подчинения. Но допустим, что какие-то общества развиваются по земному пути. Тогда перед ними встанет та же дилемма. Те, кто сможет повернуть от вражды к сотрудничеству, сохранятся. Те, кто вовремя не повернет, погибнут в огне самоуничтожения. Следовательно, сохранившиеся цивилизации будут жить по законам сотрудничества. Вражда допустима лишь на низком уровне развития, а на высоком царствуют сотрудничество и гармония. Поэтому нам нечего бояться наших Старших Братьев.

Теперь о соотношении знания и нравственности. Знание — это сила, ее можно направить как на добро, так и на зло. На Земле знание часто используется во зло. Мы знаем многочисленные тому примеры. Но это возможно лишь на низших ступенях знания, пока сила его не столь значительна. На высших ступенях знания сила его столь велика, что использование ее во зло немедленно приведет к самым чудовищным последствиям, к уничтожению всякой жизни на планете. Поэтому эволюция выработала закон, по которому Высшее Знание не дается в недобрые руки. Чтобы обладать Высшим Знанием, надо быть достаточно нравственным, а чтобы быть нравственным, нужно знать, для чего нравственность необходима. Чем выше уровень цивилизации, уровень культуры (именно культуры, а не технологии), тем выше будут нравственные принципы. Высшие цивилизации, с которыми мы можем вступить в контакт, — это высоконравственные цивилизации, живущие по законам сотрудничества и гармонии. «Вселенная, — писал К.Э. Циолковский, — заполнена высшей сознательной совершенной жизнью. Величайший Разум господ-

ствует во Вселенной». С этим убеждением великого мыслителя можно только согласиться.

Этика контакта

Иногда указывают на негативные последствия контакта, связанные с восприятием чужого знания. Интересные соображения в этой связи высказал Андрей Дмитриевич Сахаров. «Преждевременное, органически не воспринятое знание, в принципе, может быть опасным, однако в применении к такому зрелому организму, как земная цивилизация, при условии постепенного восприятия и поступления информации эти опасности не представляются мне реальными. <...> Расширение кругозора при получении информации от внечеловеческого интеллекта будет важным, но подсобным и, по-моему, очень положительным фактором в развитии наших научных знаний, в преодолении наивного антропоморфизма, в развитии наших этических и социальных институтов. Но определяющим фактором по-прежнему будут внутренние силы человеческого общества — накопленные знания и навыки, традиции и институты, генетический фонд человечества, ма-

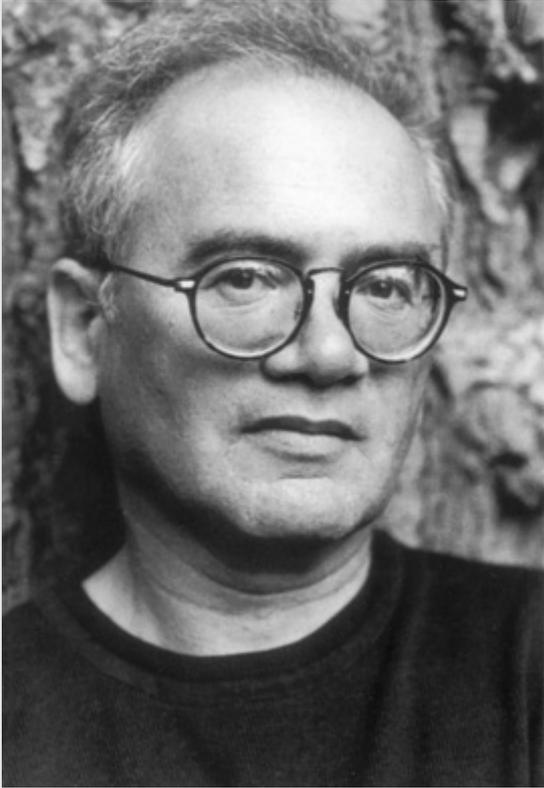
териальные производительные силы, состояние земной природной среды. Несколько грубо можно сказать, что умному и доброму всякое дополнительное знание — только на пользу, а глупому и злему, обреченному на самоуничтожение, никто не может ни помочь, ни повредить»⁴.

Есть все основания полагать, что высокоразвитые внеземные цивилизации, в силу своей высокой нравственности, будут очень бережно относиться к нам, своим младшим братьям, и предоставят нам возможность развиваться самостоятельно, самостоятельно решать встающие перед нами задачи и самостоятельно делать свой выбор. Правильные решения и правильные направления могут быть указаны (или подсказаны), но в очень тонкой, деликатной форме. Здесь уместно вспомнить о скрытом контакте, на который указывал К.Э. Циолковский. В этом случае не только нельзя говорить о принуждении, но и о прямом воздействии тоже. Это скорее воспитание, своего рода космическая педагогика, осуществляемая по иерархическому принципу ученик-Учитель. Многие затронутые здесь вопросы получают убедительное освещение в свете учения Живой Этики.

⁴ Из письма А.Д. Сахарова автору статьи. См.: Андрей Дмитриевич Сахаров и поиски внеземных цивилизаций // Земля и Вселенная. 1990. № 6. С. 63—67.

© Arcibo Observatory, National Astronomy and Ionospera Center. Photo by Manuel Santiago

Александр Кушнер

Пятая СТИХИЯ

«**П**оэзия укоренена в самой жизни, человек задохнулся бы от тоски, не имея он возможности сказать в стихах о красоте мира (и его ужасе), о любви и печали», — считает Александр Кушнер, названный Иосифом Бродским «одним из лучших лирических поэтов XX века».

— Александр Семенович, зачем нужна лирика вообще и тем более сегодня, в наше отнюдь не располагающее к лирике время?

— Лирика — душа не только поэзии, но любого искусства. Зайдите в Эрмитаж: самое привлекательное там не огромные академические полотна на мифологические, библейские, рыцарские, батальные, эпические темы, а «Возвращение блудного сына» Рембрандта — вещь очень интимная, локальная, пронизанная горячим лирическим чувством. Или какой-нибудь его портрет, например, «Старик в красном». То же самое я мог бы сказать о натюрморте Сезанна или его автопортрете. На что похожи эти полотна? На лирические стихи в окружении длинных эпических, высокопарных и велеречивых поэм.

История мирового искусства кажется иногда историей кропотливого накопления драгоценных крупиц поэзии. Они-то и составляют ядро искусства. Постепенно из огромных эпических картин выделялись как самостоятельный жанр и портрет, и пейзаж, и натюрморт, как будто от огромного полотна отламывался уголок — и перед нами представляли сиреневый куст, женское лицо или парусник на морской волне, и они говорили об этом мире ничуть не меньше, чем многофигурные сюжетные композиции. Эпос рассчитан на множество

зрителей, на парадные залы, на толпу; он повествует, медленно и обстоятельно рассказывает, — лирика обращается к тебе одному, это интимный разговор с глазу на глаз с единственным собеседником.

Оказалось, что нет в мире незначущих, проходных вещей, не заслуживающих любовного отношения. Все, что связано с человеком, его будничной, счастливой и трагической жизнью, требующей ежедневной борьбы за обретение смысла, получило признание, оказалось исполненным высокой ценности и значения.

Впрочем, лирическая поэзия знала это всегда, еще со времен Архилоха, Катулла и древних китайских поэтов. Она-то знала, но каждая вновь зарождающаяся цивилизация проходит долгий путь: фольклорная песня со временем индивидуализируется, превращается в авторскую лирику; кроме того, лирика медленно вызревает в недрах того же эпоса, драмы, откалывается от них, укрупняя детали, привлекая внимание к подробностям, повышая ценность единичных явлений, человеческой мысли, чувства, самой человеческой жизни.

Лирика живет лишь там, где присутствует уважение к человеку. Почему в 1946 году тов. Жданов и Центральный Комитет обрушились на Ахматову и Зощенку? Потому что оба они — лирики, она — в стихах, он — в прозе; потому что эти стихи и проза были последней преградой, защищавшей частного человека от государства, последней крепостью, не взятой большевиками. Партия поощряла эпос, гигантоманию, крупногабаритные вещи — все эти многотомные производственные романы, колхозные поэмы, оратории, кантаты о лесах, жи-

вописные полотна с вождями на прогулке у Кремлевской стены или трудящимися массами — человеческой икрой, облепившей вождя.

В воспоминаниях людей, отсидевших полжизни в сталинских лагерях, можно найти множество свидетельств того, как стихи помогали выжить. «Каторга, какая благодать!» — вспомнила Евгения Гинзбург пастернаковскую строку, услышав приговор о десятилетнем сроке в концлагере: она-то готовилась к расстрелу. Зачем нужна лирика сегодня? Перемены в стране за последние десять-пятнадцать лет подтверждают тезис об исторической тенденции развития человечества, о росте «прав человека», о смене эпического сознания лирическим.

Ужасно, что одновременно на земле живут народы, находящиеся на разных ступенях цивилизации. Мусульманский фундаментализм, талибы, «джихад», террористические общества вроде «Хамаса», катакомбы трупов в израильской дискотеке и на автобусной остановке, во взорванных домах в России и на Манхэттене, — все это проявления эпического отношения к человеческой жизни. Прибавление свободы, осознание ценности каждой человеческой жизни — это и есть спасительная победа лирики, если перевести разговор из политической плоскости в поэтический план.

— *А нужна ли поэзия в благополучные времена? Не захочет ли человечество когда-нибудь обойтись без нее, не грядет ли «конец поэзии», по аналогии с «концом истории»?*

— Возможно, искусство в благополучные времена (если допустить, что такие бывают) может ощущаться неким необязательным довеском к жизни, чем-то вроде игры, забавы. Так, во всяком случае, может казаться в России, то и дело переходившей в своей истории «от казни к казни». И все-таки, XIX век был как раз сравнительно благополучным, — и он дал Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Тютчева, Фета... Сомнения относительно необходимости искусства и поэзии имели бы смысл, если бы поэзия была выдумкой поэтов. Но поэзия укоренена в самой жизни, дана нам вместе с ней. Можно сказать, поэзия — это вторая природа, перегородки между ними нет. «Струи Арагвы и Кумы», «холмы Грузии» первичны, а пушкинские и лермонтовские стихи потому и понадобились, что закрепляют в слове кавказский пейзаж. Человек задохнулся бы от тоски, не имея он возможности сказать в стихах о красоте этого мира (и его ужасе), о любви и печали. Фет высказался со всей определенностью: «Без стихов жизнь свелась бы к кормлению гончих на зловонной парне».

Разумеется, стихи нужны далеко не всем. Не всем нужна и природа, есть люди, абсолютно в ней не нуждающиеся. «Они не видят и не слышат. / Живут в сем мире, как впотьмах...» — сказал о них Тютчев. Но все жить впотьмах никогда не согласятся.

Понимаю, что массовая культура, ширпотреб, с такой энергией насаждаемый телевидением, может

внушить большие опасения. Понимаю Бродского, выступившего в конце жизни с призывом печатать большими тиражами и продавать в аптеках стихотворные сборники наряду с зубной пастой и аспирином. Но думаю, что насаждать стихи искусственно все-таки не следует: результат может оказаться противоположным. Да и не должны все любить поэзию, живопись, музыку... «Не их вина: пойми, коль можешь, / Органа речь, глухонемой!» — сказано в том же тютчевском стихотворении. Внедрять искусство насильно было бы еще одной утопией. Другое дело — домашнее и школьное воспитание, пример родителей, чтение стихов за домашним столом, просвещенные учителя, любящие стихи не по обязанности, а в силу подлинного чувства. Полюбить стихи в зрелом возрасте нельзя, эта любовь воспитывается с детства.

Есть люди, способные под дождем твердить про себя строку Пастернака: «У капель — тяжесть запонков», а пленясь облаком над головой, вспомнить, например, Анненского: «Пережиты ли тяжкие проводы / Иль глаза мне глядят неизбежные, / Как тогда вы мне кажетесь молоды, / Облака, мои лебеди нежные!» Стихи звучат как заговор, как молитва, как заклинание, но в отличие от них, отягощенных нашими желаниями и просьбами, любовь к стихам абсолютно бескорытна. Искусство, поэзия переводят человеческую жизнь в другой, более счастливый план. Как будто человек поднялся на несколько ступеней и получил возможность увидеть то, что иначе было бы сокрыто от его глаз.

Мне кажется, поэзия ничто не грозит, никуда она не денется, единственную угрозу для нее могут представлять... сами поэты.

— *Вы привержены рифмованному регулярному стиху. Почему? Как Вы относитесь к поэтическому эксперименту?*

— Разговоры об исчерпанности поэзии возникли, на мой взгляд, именно потому, что сами поэты изо всех сил постарались разрушить поэтическую специфику, устранить из поэзии самые привлекательные ее свойства — «внушаемость», запоминаемость, как говорили в старину, «сладкозвучие». «Ко звуку звук нейдет», — сказал Пушкин о состоянии, когда стихи не пишутся. И рифму он отождествлял с поэзией: «Ах, зачем ты улетела, изменила навсегда?»

Отказ от стихотворного ритма и рифмы подрывает почву, из которой «растут стихи». Западная поэзия устала от традиционного стиха, заезженной ритмики и рифмовки — на верлибре (свободном стихе) она сейчас отдыхает, приходит в себя, собирается с силами. С этим связано и охлаждение к ней читателя; прежней радости стихи ему не доставляют.

Русская поэзия моложе итальянской, немецкой, английской, французской лет на 300-400, а то и больше. Данте — это XIII век, а наши Тредьяковский, Ломоносов, Державин — XVIII. При всем своем западничестве скажу, что нам совершенно ни

к чему догонять Запад по производству верлибров. У нас в запасе есть еще, как минимум, несколько веков: возможности русского регулярного рифмованного стиха далеко не исчерпаны. Самые незначительные, не сразу заметные мелкие его преобразования приводят к замечательным результатам. Наоборот, революционные преобразования Маяковского или Крученых продолжения не имеют, — тысячи советских поэтов, бросившихся по лесенке Маяковского, сломали голову. Стих Маяковского был сделан по его собственной мерке и рассчитан лишь на него. Регулярный стих знает замечательные отклонения и нарушения ритмической схемы (они есть уже у Тютчева и Фета). А дольники Ахматовой, акцентный стих Кузмина! Но самое удивительное — интонационное преобразование даже такого заезженного размера, как четырехстопный ямба — в руках настоящего поэта. Уж как хорош ранний Пастернак с его ритмическими нововведениями и редкой, головокружильной рифмой, но вдруг оказывается, что и четырехстопный ямба его «Вакханалии» 1957 года с точными рифмами — «Цветы ночные утром спят, / Не прошибает их поливка...» — абсолютное чудо, какого до Пастернака в нашей поэзии не было. Вот такую «ползучую» революцию, подспудное преобразование, тайное «перерождение», а правильной сказать, — эволюцию стиха я и ценю больше всего; это, с моей точки зрения, и есть самый захватывающий эксперимент! И всякий другой рядом с ним кажется убогим, слишком старательным, варварским, показным.

Этим огромным и до половины не исчерпанным возможностям русского регулярного рифмованного стиха способствует особое устройство русского языка: суффиксы (уменьшительные, ласкательные, увеличительные и проч.), приставки, падежные окончания, вообще спряжения и склонения, свободный порядок слов в предложении («Да и при чем бы здесь недоуменья были?»), многообразии ударений: и на первом, и на втором, и на каком угодно слоге (а то и в одном и том же слове — скользящее ударение: одно дело «вертится» и другое — у Фета: «Над лампой тихую подвешенный кружок / Вертится призрачною тенью»). В русском языке великое множество односложных и коротких слов сочетается с огромным количеством длинных и невероятно длинных. Короче говоря, русский язык — необычайно гибкая, подвижная, отзывчивая система, как будто специально созданная для стихотворной речи. Возможно, именно поэтому народ интуитивно назвал поэзию любимым искусством.

Что касается верлибра, хочу быть правильно понятым. Меня вовсе не привлекает роль литературного ретрограда, безоговорочно отвергающего свободный стих. Нет, и верлибр бывает иногда очень хорош, но именно на фоне рифмованного стиха, как некое исключение; такие верлибры есть уже у Фета, у Блока. Иногда бывает отраднее в сегодняш-

нем журнале прочесть верлибры кого-нибудь из нынешних авторов, но было бы грустно, если бы все стихи в нем оказались верлибрами.

Стихотворный размер, преобразенный интонацией устной речи, индивидуальной и неповторимой, и рифма с ее неожиданными подсказками выводят на волшебные, таинственные, непредсказуемые пути: поэтический результат превосходит замысел. «Поэта далеко заводит речь». Сделаю необходимое разъяснение: речь не идет о штампованном регулярном стихе, лишенном подспудных преобразований, — он воистину вызывает отвращение.

— *Что такое поэтическая тема, важна ли она для стихов?*

— По правде сказать, все темы известны наперечет, и в этом смысле современный поэт мало чем отличается от Горация или Шекспира. Разговор с Богом, любовь, смысл жизни, загадка смерти, слава, время и вечность, бренность бытия, земная власть, тирания и свобода, народное счастье и т. д. Но каждый новый поэт решает эти темы по-своему. Говоря о темах, я упомянул бы о лирическом поводе: новый повод, введенный поэтом в лирику, разворачивает тему в неожиданную сторону, создает новый ракурс, новый угол зрения — и соответственно кое-что меняет в поэтическом космосе, а заодно и в устройстве стиха. «Поэзия, следи за пустяком! Сперва — за пустяком, потом — за смыслом».

Разумеется, поэзия меньше всего рассчитана на критика, способного расслышать только прямое название, привыкшего мыслить в штампованных категориях «больших тем» — «мироздания», «человека с его судьбой», — ему, нашему строгому «ценителю и судье», еще важно, чтобы они были заявлены в стихотворении с первых слов, а лучше всего — даны уже в названии.

Зато какая радость — вводить в стихи вещи, слова, имена, понятия, ситуации, которых до тебя в русской поэзии, кажется, не было: затмение луны («...Луны затмение. Какой на недотроге / след отвратительный, багрово-черный дым! / Какие грязные мы вытираем ноги / о коврик желтенький с рисунком неземным!...»); лишайник на дачном заборе; Господь Бог, но за вполне «земным занятием» в его «небесном кабинете», где «пахнет мятой с сиверских полей» («Плачет бог, читая на том свете / Жизнь незамечательных людей... / Он встает, подавлен и взволнован, / Отложив очки, из-за стола. / Лесосклад он видит, груды бревен / И осколки битого стекла. К дяде Пете взгляд его прикован / Среди добра вселенского и зла...»); сахарница, после смерти хозяина попавшая в чужой дом («Я все-таки ее взял в руки на мгновенье, / Тяжелую, как сон. Вернул, и взгляд отвел. / А что бы ты хотел? Чтоб выдала волненье? / Заплакала? Песок просыпала на стол?»); «Аполлон в снегу»; пароходный гудок («Гудок пароходный — вот бас; никакому певцу не снилась такая глубокая, низкая нота...»); ночная музыка «за десять стен от нас и множество дверей» и т.д.;

примерка любимой платя («...Потерянно смотрю я, сиротливо. / Ты ласточкой летишь в него с обрыва. / Легко воспеть закат или зарю, / Никто в стихах не трогал это диво: / “Мне нравится”, — я твердо говорю...»), — вот именно: «никто в стихах не трогал это диво», — никто до тебя этот повод, этот сюжет в стихи не брал.

Больше всего в стихах я дорожу поэтической мыслью и поэтическим чувством, в отличие от обычных мыслей и чувств рождающимися в счастливой метафорической рубашке. И все эти лирические поводы и сюжеты выходят на экзистенциальные темы смысла земного существования, любви, разговора с Богом, смерти, судьбы поэзии в России, красоты жизни, природы, таинственной прелести искусства.

— Почему Вы придаете такое большое значение именно «книге стихов»?

— В русской поэзии одной из первых таких книг с обдуманном порядком стихов и самостоятельным названием были «Сумерки» Баратынского, 1841 г.). Книга стихов в XX веке постепенно вытеснила поэму (разумеется, существует несколько замечательных исключений — «Двенадцать» Блока, ранние поэмы Маяковского, «Поэма горы» и «Поэма конца» Цветаевой, впрочем, больше похожие на длинные лирические стихотворения). Достижения русской прозы (Гоголь, Толстой, Достоевский, Чехов...) избавили поэта от необходимости писать длинные поэмы — повествование в стихах; лирические стихи, держась за руки, выступая в книге хороводом, дают возможность поэту в обход поэмы создать поэтическую панораму жизни, прожитой поэтом и его современниками за несколько лет. В каком-то смысле можно сказать, что книга лирических стихов — это и есть современный эпос. И мне кажется не случайным, что наиболее чуткие наши поэты: Анненский, Мандельштам (а до них в XIX веке Тютчев) поэм не писали, да и у Фета они не идут ни в какое сравнение с его стихами. И Кузмин, и Пастернак, и Ахматова — прежде всего лирики. Говоря о замене поэмы книгой стихов, я не настаиваю на своем наблюдении, но отмечаю эту тенденцию, обнаруженную мною еще тридцать лет назад. А есть еще венки сонетов — и вовсе провальный жанр. Сколько поэтов уверены, что венки сонетов — пример высокого поэтического пилотажа, — и тонут, как Офелия, со своими венками. Как там сказано у Фета: «Офелия гибла и пела, / И пела, сплетая венки»? Впрочем, читая сегодня скучнейшие книги стихов, выходящие в таком огромном количестве, иногда думаешь, уж лучше бы писали поэмы.

— Однажды Вы сказали, что для вас писание стихов — это образ жизни, что поэтом, прозаиком надо родиться. Почему же Вы, кроме стихов, пишете эссеистику?

— Пишу статьи — в последние годы опубликовал в журналах «Дельфтский мастер», «Здесь, на

земле...» (о Бродском), «Анна Андреевна и Анна Аркадьевна», «С Гомером долго ты беседовал один», «Наш Пруст», — но с моей стороны было бы слишком большой претензией считать это настоящей прозой: прозаиком действительно надо родиться! Это статьи, эссеистика, заметки на полях — и не более того. А пишу я их потому, что мне это занятие доставляет удовольствие, впрочем, не соизмеримое со стихами.

— Какие молодые поэты заслуживают сегодня, с Вашей точки зрения, внимания? Что бы Вы хотели им пожелать?

— Это вопрос коварный. Чтобы ответить на него, надо обзавестись ощущением мэтра, способного раздать всем сестрам по серьгам. Такая роль мне не нравится. Могу лишь поделиться впечатлениями заинтересованного читателя, субъективными и заведомо ограниченными недостаточной осведомленностью о пишущихся сегодня стихах.

Вспоминаю, что на вопрос о молодой поэзии я отвечал еще лет пятнадцать назад, выделяя москвичку Олеся Николаеву — одного из лучших современных поэтов, а также талантливых петербуржцев Алексея Машевского, Алексея Пурина, Николая Кононова, Давида Раскина, Александра Танкова, живущего в Лондоне Юрия Колкера... Почти все они оправдали надежды и давно перешли в разряд самостоятельных поэтов. Изъян таких списков состоит в том, что они никогда не бывают точными и полными. Надо было тогда же назвать хотя бы еще Татьяну Бек, Светлану Кекову, Юрия Кублановского, Олега Хлебникова... Кроме того, в последние лет десять появились яркие поэты в следующем поколении — москвичи Дмитрий Быков, Максим Амелин, волгоградец Александр Леонтьев, петербуржцы Александр Фролов, Иван Дуда, Вероника Капустина, трагически погибший поэт из Екатеринбурга Борис Рыжий, поэт из Омска Олег Клишин... я мог бы продолжить перечень (у меня в запасе есть еще несколько имен), но обрываю его, потому что не хочу навязывать читателю свои вкусы. И все-таки назову еще одно имя, без которого, мне кажется, очень скоро не будет полон ни один перечень — петербуржец Денис Датешидзе. Наконец, вполне возможно, что сейчас, в эту минуту, сидит где-нибудь за столом молодой поэт, неизвестный мне, и пишет великие стихи.

Никаких пожеланий молодым делать не могу, для этого надо растерять последние остатки юмора. Скажу только, что с оптимизмом смотрю на сегодняшнюю ситуацию в поэзии. Да и нелепо было бы уподобляться даме из анекдота, пожаловавшей приятельнице на то, что у нее в доме завелись мыши. «Дорогая, заведите кошку». — «Ну что вы, милочка, нынешние кошки!»

Беседу вел Николай Головкин